

*В. М. Дзевановский-Петрашевский*

## **НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛАЗАРЕВСКОГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ ИЗ АРХИВА АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА**

**В** архиве Н. Я. Марра хранится несколько документов, связанных с Лазаревским институтом восточных языков. В конце 1917 г. Временным правительством Николай Яковлевич был назначен исполняющим обязанности ректора Института. Благодаря сохранившимся документам из его архива сейчас появилась возможность выяснить роль петербургских востоковедов в сохранении традиций московского востоковедения.

Следует напомнить несколько фактов из ранней истории Лазаревского института: «Армянский Лазаревский Институт Восточных Языков», расположившийся в Армянском пер., 2, был основан в 1815 г. братьями Иваном и Иоакимом Лазаревыми как частное специальное востоковедное учебное заведение для воспитания армянского юношества. Институт «состоял из одного подготовительного, семи гимназических и трех специальных классов. Курс в гимназических классах отличался от курса в обычных гимназиях тем, что армянский язык, словесность и ряд других дисциплин были обязательны для всех обучающихся армян. В специальных классах были организованы четыре кафедры армянской, арабской, персидской и русской словесности, кафедра турецко-татарского языка и кафедра истории Востока. Кроме того, в этих классах преподавался грузинский язык и были введены практика персидского и турецкого языка, а также восточная каллиграфия. Специальные классы по своей программе соответствовали высшему учебному заведению. Хотя обучение и было рассчитано на три года, число лекций и занятий восточными языками приравнивалось к четырехлетнему курсу Факультета восточных языков Петербургского университета» [Базиянц 1997, 31].

В 1911 г. после ухода Вс. Ф. Миллера с поста директора его место занял П. В. Гидулянов, профессор церковного права Московского университета. Вплоть до 1917 г. П. В. Гидулянов вел дела института с присущей ему аккуратностью. В вопросах востоковедения он всегда советовался с коллективом, который уважал его демократичность.

Революционные события в России 1917 г. повлекли за собой поднявшуюся на поверхность пену всяческих интриг, оговоров, поклепов – словом, всего того, что порождается мнимым ощущением вседозволенности, часто возникающим в переломные моменты истории.

Отражением этого процесса является первый документ из марровского архива, связанный с Лазаревским институтом, – коллективное письмо родителей учащихся, посланное в марте 1917 г. на имя министра народного просвещения Временного правительства А. А. Мануйлова: «Ваше Превосходительство г. Министр. Время обновления наступило, а очень мало видно плодов этого обновления. Мы, родители учеников Лазаревского Института (в г. Москве) ждали, что директор этого учебного заведения т. е. Лазаревского Института, полетит прежде всех, в первую голову со всеми своими приспешниками: инспектором Костаньянцем, отсталым консерватором, диким Клерикалом, террористом учеников, грубым насильником самодеятельности

(разумной) учеников. Двумя шпионами из учителей: Вейнбергом и Заринфреем Карлом, тоже террористами учеников, угнетающими их и стоящими за чрезмерное удовольствие учеников, лжецами в глазах учеников, за что и получили прозвище “Азефов”. Сам г. директор П. В. Гидулянов, как друг бывшего министра Кассо и человек в высшей степени грязный и вечный лжец в наших родительских глазах, преспокойно продолжает свою грубую бездеятельность и только занят тем, чтобы по наговору инспектора Костаньянца и учителей: Вейнберга и Зоринфрея и других им подобных, увольнять учеников, нисколько не заботясь об их учении и воспитании. В Лазаревском Институте полный произвол и дикий хаос. На каком основании, когда все учебные учреждения во время революции по мере возможности занимались, г. Гидулянов распустил еще в феврале пансион (болезней никаких не было) из 100 человек и учение шло очень вяло. Учителя делом не занимались. Разруха во всех отношениях в Лазаревском Институте идет полная. Бывший попечитель Тихомиров и его помощник прикрывали Гидулянова и все жалобы на Гидулянова лежали без движения помногу лет»<sup>1</sup>.

Было ли это послание, напоминающее открытый донос, самостоятельно написано какой-то группой “идейных” родителей или инспирировано некими недоброжелателями тогдашнего руководства института – прежде всего оно свидетельствует о малограмотности его авторов и их желании показать свою лояльность по отношению к новой власти, о чем говорят демагогические заявления, которые встречаются в письме, как, например, “время обновления наступило” или “бывший попечитель Тихомиров и его помощник прикрывали Гидулянова и все жалобы на Гидулянова лежали без движения помногу лет”. Настороженность вызывает и слабая осведомленность авторов об институтских делах. Глубокие подозрения вызывают и ошибки в фамилиях. Позволю себе напомнить: родители каждую четверть получали листы успеваемости своих детей, где в обязательном порядке были указаны фамилии учителей. В письме же фамилии Карла Христофоровича Зоргенфрея и Карапета Иосифовича Костаньяна упоминаются несколько раз и пишутся каждый раз по-разному.

Следующим документом является письмо А. Е. Крымского товарищу министра В. И. Вернадскому – несомненно, отклик на “письмо родителей”. Поддерживая П. В. Гидулянова как администратора, он подверг сомнению целесообразность сохранения Лазаревского института как целостной единицы, поставив под удар его дальнейшее существование: «Нынешний директор, профессор университета П. В. Гидулянов <...> [в] гимназии он недурной администратор (во всяком случае не хуже прежних), и армянская колония его любит. В Специальных классах проф. Гидулянов является в чрезмерной степени конституционным директором; он даже самые мелкие текущие вопросы, всегда решаемые в университете личным усмотрением декана, непременно предлагает на решение профессорского совета и неизменно присоединяется к мнению большинства. <...> Если даже в лице Гидулянова иногда ощущается (или в первые его годы ощущалось) кой-какие неудобства от того, что он не ориенталист, то в случае ухода или смещения проф. Гидулянова предстоит положение совсем затруднительное. <...> Выйти из затруднения можно двумя путями: надо или отделить Специальные классы совсем прочь от Лазаревской гимназии, которая остается обыкновенным среднеучебным заведением, или же надо компромиссный способ избрания директора:

а) гимназические преподаватели коллегиально выбирают для себя не директора, а только инспектора, который является главным распорядителем гимназического обихода;

б) специальные классы выбирают директора для всего Лазаревского института из числа профессоров или, в крайнем случае, приват-доцентов высших учебных заведений Российской Империи, а получает утверждение такой избранный директор – от Министерства по согласованию с надлежащим почетным попечителем Лазаревского Института.

В случае же окончательного отделения Специальных классов от Лазаревской гимназии возможны для дальнейшей судьбы Специальных классов два решения: 1) перенесение специальных классов в московский университет в виде восточного факультета. Это был бы самый достойный и самый научный выход <...> 2) Специальные классы славились до сих пор умелой постановкой практического преподавания востоковедных наук, подготовлением практических деятелей-востоковедов. Не даром Министерство иностранных дел и Министерство финансов берут чиновников для службы на Востоке прежде всего из числа лазаревцев, а не из студентов Факультета восточных языков. В виду этого еще покойный директор акад. В. Ф. Миллер в 1907 г. послал обстоятельно-мотивированную докладную записку в Министерство народного просвещения о необходимости отторгнуть Специальные Классы от Лазаревской гимназии и основать в Москве особый, самостоятельный “Институт Восточных Языков” по типу берлинского *Seminarium für die orientalischen Sprachen* и [парижской] *École des langues orientales vivantes*»<sup>2</sup>.

Похожие предложения были выдвинуты и на студенческой сходке: “Сходка студентов Специальных Классов Лазаревского института восточных языков, вполне присоединяясь к решению общей сходки студентов 5 и 7 апреля и решению совета профессоров 7 апреля о провозглашении автономии Специальных Классов и выражении полного доверия директору профессору Гидулянову, протестует против нарушения автономии Специальных Классов и вопреки его постановлению а равно и против допущения к избранию директора совершенно некомпетентного в научном отношении и неправомерного армянского комитета. Студенты единогласно постановили настаивать всеми способами на том, чтобы выборы директора были произведены исключительно советом профессоров с участием студентов что и будет служить подтверждением признания министерством автономных прав Специальных Классов Института”<sup>3</sup>.

Подписали: председатель Кречетович, секретарь Мельников. Этот документ был отослан в Министерство народного просвещения, министру-председателю и лично товарищу министра – В. И. Вернадскому. В свою очередь Вернадский обратился в частном порядке к Н. Я. Марру.

Первое, что было сделано Попечительским советом института: в кратчайшие сроки собран совет Армянского общества Москвы и Петрограда, где единогласно был избран новый попечитель петербуржец Н. Г. Адонц<sup>4</sup>, давно читавший лекции на факультете восточных языков.

Следующим шагом было избрание 20 апреля 1917 г. на вакантную должность профессора армянской словесности К. И. Костаняна<sup>5</sup>. На Совете института был зачитан его *Curriculum vitae*: «Карапет Иосифович Костанян родился 14 января 1851 г. в городе Александрополе, Эриванской губернии. По окончании гимназии он поступил в Петербургский университет, затем перешел в Дерптский. В 1875 г. ездил за границу: побывал в Берлине и Бонне, где учился у Ю. Г. Петерманна и Т. Ауфрехта. Вернулся в Петербургский университет, где работал под руководством К. П. Патканова, К. А. Косовича, В. В. Григорьева. Вскоре отправился вновь в Германию, где под руководством профессора Г. Курциуса занимался сравнительным языкознанием. Итог: трехтомный труд “Сопоставление слов древнеармянских историков”. В 1886 г. выдержал магистерский экзамен. Его научная деятельность была признана и официально, ибо, по избрании и утверждении католикомосом Мкртичем I, он в течении долгих лет состоял ректором Эчмиадзинской Духовной Академии»<sup>6</sup>. Таким образом, на Совете профессоров и преподавателей Лазаревского института в составе П. В. Гидулянова, А. Н. Веселовского, А. Е. Крымского, М. О. Агтаи, Мирзы Джафара Ризаева, Мирзы Абдуллы Гаффарова и С. К. Церуниана К. И. Костанян был единогласно избран на профессорскую должность.

Перед тем как уйти на летние каникулы, Совет провел еще два заседания, где было постановлено: 24 мая 1917 г. – П. В. Гидулянова переизбрать в должности

ректора; 27 мая 1917 г. – утвердить новый устав специальных классов Лазаревского института, а гимназию упразднить<sup>7</sup>. Голосование в обоих случаях проходило при полном составе Совета. Решив текущие проблемы, Совет был распущен до сентября.

Летом 1917 г. П. В. Гидулянов был освобожден Временным правительством от должности ректора. При этом положение Лазаревского института оставалось неопределенным. В его судьбе приняли участие профессора Московского, а затем и Петроградского университета.

В архиве Н. Я. Марра сохранилось обращение члена комиссии по реформе высших учебных заведений, профессора Московского университета М. М. Новикова (с 1919 г. ректор) к нему как к декану факультета восточных языков: “Милостивый Государь, Николай Яковлевич. Комиссия в заседании своем 7 сентября постановила просить Вас образовать под Вашим председательством Особую подкомиссию для обсуждения вопроса об избрании устава Лазаревского института Восточных языков в Москве, в части, касающейся его специальных классов, и о возможности преобразования их в восточный факультет Московского университета. В состав названной подкомиссии избраны: академик С. Ф. Ольденбург, профессора М. Я. Пергамент и Д. Д. Grimm. С предоставлением Вам пополнить состав подкомиссии другими сведущими лицами, по вашему усмотрению”<sup>8</sup>.

Петербургские ученые пришли на помощь московским коллегам. Нужно было спасти положение Лазаревского института. Заседание подкомиссии состоялось 1 октября 1917 г. На нем присутствовали: В. В. Бартольд, Д. Д. Grimm, И. Х. Завриев, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, Я. И. Смирнов, А. Э. Шмидт<sup>9</sup>. Был предложен новый профессорско-преподавательский состав будущего факультета: Н. Г. Адонц, А. П. Алявдин (секретарь), В. А. Гордлевский, К. И. Костанян (декан), И. Ю. Крачковский, А. Е. Крымский, Л. З. Мсерианц, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, Н. П. Сычев, А. Э. Шмидт<sup>10</sup>. В тот же день исполняющим обязанности ректора Лазаревского института был назначен Н. Я. Марр<sup>11</sup>. В следующем заседании Совета 10 октября 1917 г. на имя В. И. Вернадского было подано прошение об академической автономии на основании статей 971 и 972 Свода законов, чтобы сохранить имущество и независимость в начавшейся неразберихе.

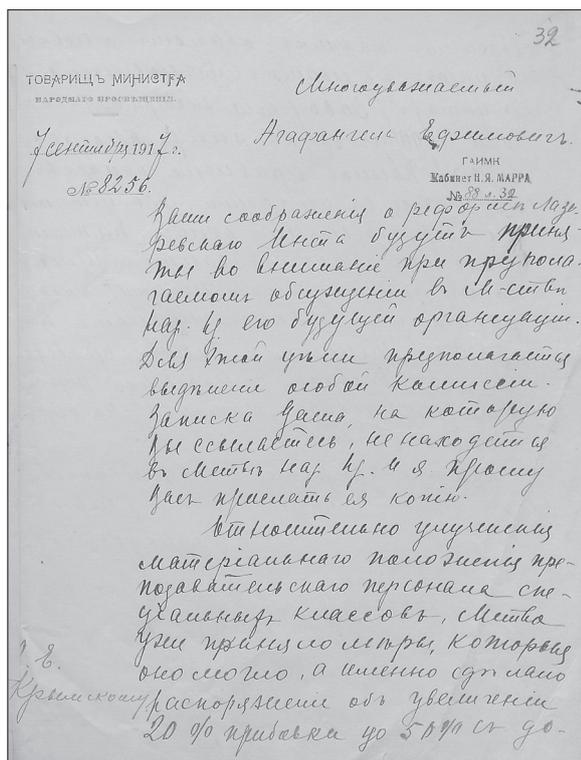
Благодаря председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину, который писал: “Все имущество, а также все капиталы, принадлежавшие бывшему Лазаревскому институту, находятся в распоряжении комиссариата по делам армян, который обслуживает культурно-просветительные нужды армянских трудовых масс”<sup>12</sup>, удалось сохранить целостность и независимость института: миновало преобразование учебного заведения в факультет восточных языков Московского университета.

Через год институт был переименован в Лазаревский переднеазиатский институт, далее – в Армянский институт (1919) и потом в Центральный институт живых восточных языков (1920). Состоял он из единой трудовой школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском, так и на русском языке. В архиве Н. Я. Марра также хранится подробно составленное расписание занятий факультета, с учетом приезда коллег из Петрограда<sup>13</sup>.

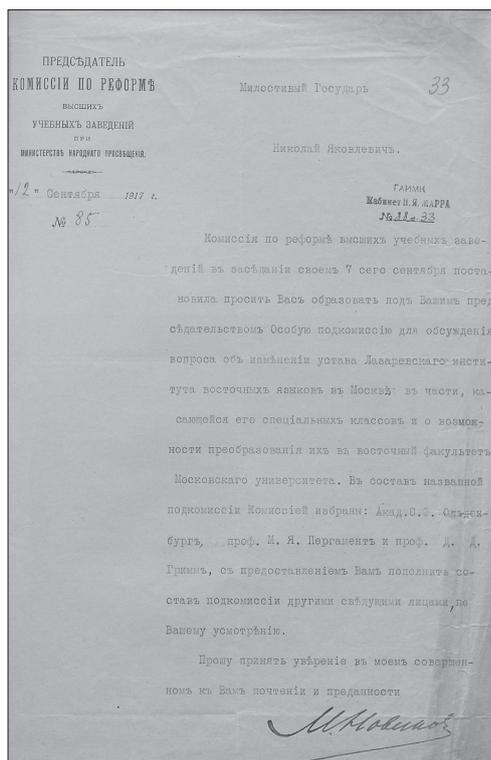
Эти документы, открывающие новую страницу истории Лазаревского института в 1917 г. – в один из самых острых периодов его истории, – очевидно, не попали в поле зрения А. П. Базиянца, автора блестящих исследований, досконально изучившего архивы семьи Лазаревых и материалы самого института.

Хочется надеяться, что после празднования в 2015 г. 200-летия основания прославленной московской “восточной” жемчужины появится новый исследователь, который напишет так же блестяще дальнейшую историю Лазаревского института.

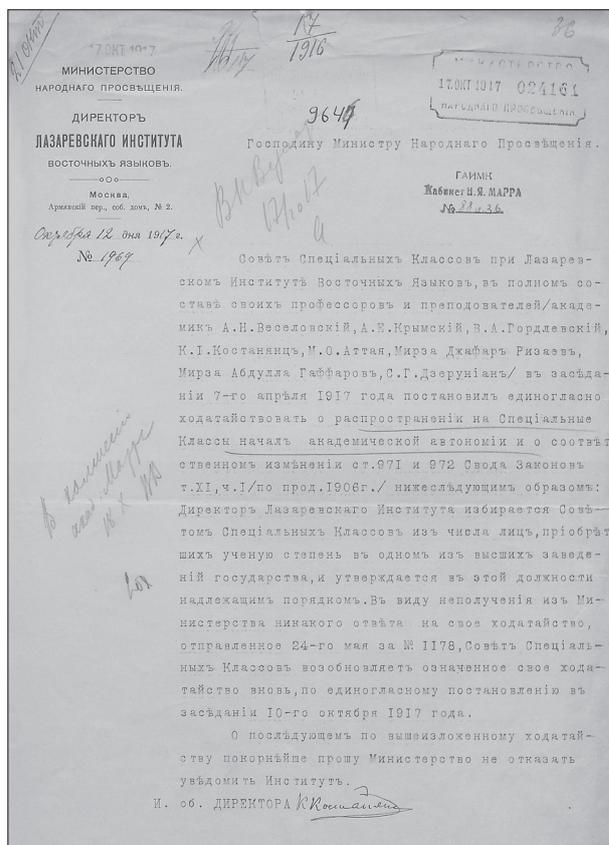




Илл. 5. Ответ В. И. Вернадского на письмо А. Е. Крымского



Илл. 6. Письмо Н. Н. Новикова Н. Я. Марру



Илл. 7. Постановление Совета об академической независимости Института

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПб ФАРАН). – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 1–2.

<sup>2</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 5–7.

<sup>3</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 31.

<sup>4</sup> Из истории избрания попечителя: “Сначала управлял сам основатель, затем в 1824 г. был назначен попечитель граф А. А. Аракчеев. В 1868 г., по мысли последнего представителя рода Лазаревых по мужской линии И. И. Лазарева, возник вопрос о передаче института, в целях упорядочения его учебной жизни, в ведение Министерства народного просвещения. В 1871 г., по ходатайству того же И. И. Лазарева, право на звание попечителя института было передано в род зятя его, генерал-майора князя Абамелек, впоследствии получившего фамилию князя Абамелек-Лазарева. Перед смертью последний попечитель Института князь С. С. Абамелек-Лазарев (скончался в 1916 г.), исходатайствовал в особом порядке принадлежащее армянскому обществу право избрания попечителя в случае пресечения рода князей Абамелек-Лазаревых по мужской линии из лиц армяно-грегорианского вероисповедания”. См.: СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 10–11.

<sup>5</sup> После смерти Г. А. Халатянца Костянян пять лет читал лекции по представлению Совета института.

<sup>6</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 13–13 об.

<sup>7</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 20.

<sup>8</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 33.

<sup>9</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 86. – Л. 2.

<sup>10</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 86. – Л. 20.

<sup>11</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 37.

<sup>12</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 4. – Ед. хр. 88. – Л. 60.

<sup>13</sup> СПб ФАРАН. – Ф. 800. – Оп. 1. – Ед. хр. 2422.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Базиянц А. П. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* Москва, 1997.

**Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПб ФАРАН).** Ф. 800, оп. 1, ед. хр. 2422; оп. 4, ед. хр. 86, 88.